

— Вы, дети, говорите и делаете всё без оглядки, — с добродушным сожалением покачал головой Кузен Чжао, крепко сжимая в руке янтарного пиксиу. — Отпустите, вам нужно научиться отпускать.

— Мы чертовски не можем отпустить, так что не лезьте к Йо-гэ, не заходите, — Чжао И указал на Хань Бина, его взгляд был полон злобы, затем он повернулся и направился к залу.

Только подойдя к двери зала, он услышал внутри громкий плач. Чжао И удивился:

— Это... Не может быть, неужели из-за бывшего так плачут?

Чжао И резко открыл дверь зала. Мао Тао лежал на плече Сюй Чэ, рыдая так, что, казалось, мир вокруг него рушился. Сюй Чэ терпеливо похлопывал его по спине, боясь, что тот не сможет перевести дыхание.

— Что случилось? — Чжао И быстро закрыл за собой дверь. Это было слишком стыдно, чтобы кто-то видел. — Что с Мао Тао?

— Спроси Лю Пина, — Сюй Чэ одной рукой продолжал похлопывать Мао Тао по спине, другой достал несколько салфеток и начал вытирать ему глаза. Рубашка на его плече промокла — то ли от слёз, то ли от слюней Мао Тао.

— Его бросила жена, — сказал Лю Пин.

Чжао И закатил глаза, глядя на Мао Тао, с грохотом выдвинул стул из-за стола и поставил его рядом с диваном.

— Эти брат и сестра Хань что, специально нас достают? Один за другим...

Он сел на стул задом наперёд, положив подбородок на спинку.

— Эй, ты так ревёшь, это стыдно. Найдёшь другую, разве это сложно?

А-а-а-а!

Неизвестно, что в словах Чжао И снова задело Мао Тао, но он, уже начавший успокаиваться, снова зарыдал, и его плач не прекращался.

— Хватит плакать, — Сюй Чэ сильно похлопал Мао Тао по спине. — Эй, ты меня своим плачем до голода довёл.

Сюй Чэ отпустил его, снова достал пару салфеток и начал вытирать ему лицо. Видя, что Мао Тао не собирается останавливаться, он громко крикнул:

— Хватит реветь, быстрее заказывайте еду. Поедим и поедим домой. Мне ещё нужно заниматься с племянником на фортепиано.

Мао Тао выпрямился, шмыгнув носом, сам наклонился и взял салфетку, чтобы вытереть лицо. Его лицо сморщилось:

— Твой племянник? Откуда у тебя племянник?

— Он ещё не родился, сейчас стадия внутриутробного развития, — серьёзно ответил Сюй Чэ.

А? Это выходило за рамки понимания остальных. Мао Тао забыл о плаче:

— Он что, слышит? Разве дети в утробе не лишены слуха?

— Не знаю, но мой брат и его жена считают, что он слышит, — сказал Сюй Чэ.

Дверь зала тихо постучали, и в комнату вошли официантки в ярко-жёлтых чеонгсамах, начав подавать блюда. Каждому поставили белый продолговатый фарфоровый поднос, на котором аккуратно лежали восемь изящных серебряных инструментов — длинная ложка, круглые ножницы и прочее.

— Набор для крабов? — спросил Лю Пин. — Разве сейчас сезон крабов?

— Последний урожай, шестилапые самцы и четырёхлапые самки из озера Янцзы, — с улыбкой ответила официантка. — Во всём городе только у нас есть, многие специально приходят за ними. Скоро подадут тех, которых мистер Чжао лично отобрал для вас. Через пару дней их уже не будет.

— Быстрее, — Лю Пин схватил круглые ножницы. — Я в этом году не наелся крабов, сейчас наверстаю.

Крабов подали — четыре самца и четыре самки, по два на каждого.

Сюй Чэ взял одного крупного самца, круглыми ножницами отрезал клешни и ноги, затем открыл панцирь, маленькой ложкой вынул икру и положил её в небольшую миску. Затем длинной палочкой извлёк мясо из ног и положил его рядом с икрой. Белый круг с горкой икры посередине выглядел как маленький цветок.

Завершив «цветок», Сюй Чэ взял маленький серебряный кувшин, капнул несколько капель имбирного уксуса и пододвинул миску к Лю Пиню.

— На, ешь досыта.

— Йо-гэ, ты не будешь? — Лю Пин радостно улыбнулся, сразу же взял миску.

Сюй Чэ бросил на него взгляд и продолжил разделять другого самца, положив его в другую миску и пододвинув к Лю Пиню.

Затем, одного за другим, он разделял крабов для Чжао И и Мао Тао, клал мясо в миски и ставил перед ними.

Трое ели без зазрения совести. Каждый раз, когда они ели что-то, что нужно чистить — будь то крабы или креветки, — Сюй Чэ разделял их, аккуратно выкладывая мясо в миски и подавая им.

Это было давно распределено: Сюй Чэ чистил, а остальные ели. В такие моменты главный вокалист казался особенно утончённым, опуская глаза, сжав губы, с маленьким молоточком и вилок в руках, он извлекал жёлтое или белое мясо из розовых или оранжевых панцирей с такой тщательностью, словно создавал произведение искусства.

Сюй Чэ не любил есть это, ему нравилось только чистить.

Когда все крабы были разделены, Сюй Чэ прислонился локтями к столу, его длинные белые пальцы были испачканы жёлтым крабовым жиром, как яркая масляная краска.

Он смотрел на своих друзей, поглощённых едой, его светлые глаза были пусты, и было непонятно, о чём он думал.

— Йо-гэ, — Мао Тао, набив рот икрой, собирался похвалить друга за его мастерство, но, подняв глаза и увидев, что Сюй Чэ погружён в свои мысли, проглотил слова. — Йо-гэ? О чём думаешь?

Сюй Чэ продолжал витать в облаках.

— Йо-гэ? — Мао Тао толкнул его локтем, двое других тоже подняли глаза на Сюй Чэ. — Что случилось? Почему не ешь?

— А? О, я пойду помою руки.

Сюй Чэ встал, опустив руки, и вышел в туалет.

За дверью его ждали. Увидев, как Сюй Чэ выходит, Хань Бин, стоявший у перил, последовал за ним.

После того как Чжао И ушёл, Кузен Чжао уговаривал Хань Бина:

— Разве мало травы на свете? Зачем тебе возвращаться к старому?

Он указал на зал, где были Сюй Чэ и его друзья.

— Характер Йо-гэ такой, что ты всё равно не сможешь вернуть его, зачем мучиться?

Хань Бин посмотрел туда, куда указывал Кузен Чжао, на плотно закрытую дверь из тёмно-красного резного дерева, на которой висела жёлтая табличка из грушевого дерева с надписью «Прекрасные Реки и Горы».

Обернувшись, Хань Бин положил руку на перила и усмехнулся:

— Я развёлся.

— Ты развёлся и теперь вернулся к Йо-гэ? Какая логика? Когда ты был с Йо-гэ, ты тоже не был один.

Кузен Чжао покачал головой.

— К кому же ещё мне идти?

Хань Бин погладил подбородок.

— Он самый подходящий.

— Старина Хань, — Кузен Чжао хлопнул его по плечу. — Мы знакомы уже двадцать-тридцать лет. Послушай моего совета: не трогай Йо-гэ. Ты тогда сильно его обидел.

— Как я его обидел? Разве он был несчастлив со мной? Вы же всё видели.

Хань Бин прищурился.

— Как ты его обидел? Ох, ты действительно имеешь наглость это говорить. В этом я тебе действительно завидую.

Кузен Чжао был поражён.

— Йо-гэ тогда был ещё школьником, а ты пришёл и начал его соблазнять. Я даже подозреваю, что он вообще не был гомосексуалистом, а ты его таким сделал. Отец Сюй и старший брат Сюй не прикончили тебя только потому, что тебе повезло.

— Они бы ничего мне не сделали. Если бы они тогда что-то сделали, Сюй Чэ пошёл бы против них.

Хань Бин поднял бровь.

Но времена изменились. Сюй Чэ больше не был тем мальчиком, который был предан тебе. После тебя он больше не заводил отношений, но гулял с кем угодно, даже больше, чем ты тогда. У него больше не осталось чувств. Мой двоюродный брат говорил, что он даже боится прикасаться к любви. Разве это не ты его таким сделал?

— Поэтому я вернулся к нему.

— Нет, ты неправильно понял мои слова.

Кузен Чжао почесал голову.

— Ты не видишь, как сильно он тебя ненавидит? Зачем ты лезешь? Не ищешь смерти?

— Только со мной он сможет снова полюбить, только со мной у него будут чувства.

— Эй, старина Хань, у тебя что, мозги набекрень? На каком основании ты так уверен?

— На том, что я знаю его. Я знаю его как свои пять пальцев.

— Нет, ты...

Кузен Чжао собирался продолжать уговаривать. Всё и так очевидно. Сюй Чэ сейчас — это железная стена, а Хань Бин упорно хочет в неё врезаться. Это нужно остановить.

Мужская дружба — странная штука. Даже зная, что человек поступил неправильно, нечестно, но из-за того, что это твой друг, с которым ты знаком десятки лет, ты всё равно встаёшь на его сторону.

Как сегодня. Кузен Чжао знал, что Сюй Чэ и его друзья придут сюда обедать, и сразу же позвонил Хань Биню. Хотя он понимал, что не должен был этого делать, но всё же, следуя дружеским чувствам, сообщил ему.

Авторское примечание: Спасибо, дорогие читатели, за то, что читаете. Люблю вас!

<http://bllate.org/book/16157/1447643>